Карантин во многих странах закончился, но пандемия продолжается. Коронавирус продолжает свирепствовать и уносить жизни, и более того – он, кажется, превратился в боевое средство для политических усобиц. Предположение серьёзное и, кроме латинского вопрошания *cui prodest? (кому выгодно?)*, требующего конкретных доказательств, никто не признается в использовании такого коварного (по существу – бактериологического) оружия. Тем более, что население само устало от этих душных и малополезных масок, от изоляции, от отсутствия массовых развлечений, спорта, весёлых вечеринок и, конечно, от весьма значительного урона в экономике, не говоря уж о безработице... А поскольку нет ни спасительной вакцины, ни лекарств, остаётся одно – протесты!

И, конечно, стихи. Это ведь тоже по-своему заразительное явление... В былые времена, о которых ностальгически вспоминает **Дмитрий Быков** (наше новое всё), стихи были строго дозированы. Словно хлеб по карточкам, их выдавали населению в отмеренном количестве в так называемых толстых журналах, которые были распределителями этого жизненно необходимого продукта. А те рукописи, что на их страницы не попадали, сваливались в редакционную корзину и попросту не считались, частично развеиваясь в небытии или в самиздате.

Другое дело сейчас. Все теперь пишут стихи, и не только так называемые поэты, а и так называемые читатели, которые взяли это дело в свои руки. Стихия! Море. Это и есть сетевая поэзия, которую некоторые критики высокомерно приравнивают к графомании. Но, уверяю вас, это не так. Во всяком случае, мой невод, заброшенный в фейсбуковской группе «Стихи во время карантина», принёс некоторый улов, где среди серебристых плотвиц плескалось несколько вполне золотистых рыбок. Не скажу золотых, чудес от них пока не произошло, но кто знает?

Вот, например, явно не рассчитанный даже на редакционную корзину экспромпт **Ольги Ивановой**. А для сети это годится. Скоропись, созданная на круглой коленке, вбитая наспех в айфон, несёт черты московской суетной тусовки. Это – домашняя шифровка, понятная для своих: смятый синтаксис забавно и стёбно коверкает все

грамматические правила, а в целом опус напоминает чьи-то взлетевшие вверх тормашки.

пусть и путь един и долог
пусть и прыть уже не та –
мимо, эпидемиолог
вирусолог, от винта
жылибыли-гдетыбаба
жрали гречу с коньяком
[дежавю – не без масштаба
п е́ т р я – колокол – по ком]
дорожа осознаваньем
да встревая – тока свиснь –
в эту шнягу под названьем
[ша, издатель]
«э т а-ж ы з н ь»

Размер хореический, весёлый, а содержание всё же мрачноватое – вирус, эпидемия… Но от этого люди устали, им хочется взбунтовать, нарушить ограничения, как-то пусть даже вычурным макароническим образом, но выразить свой протест. Талантливо? Быть может… Во всяком случае, быстое, ловкое жонглирование слов, несомненно, интересно. А если по-простому? А по-простому, видимо, неинтересно (и – гораздо трудней)!

Но она может. Отрадно, хотя и щемяще грустно было мне выбрать из её журнальной подборки такое просветлённое:

благодаренье

благодарю тебя, Господь
за эти небо, воду, сушу
за эту гибнущую плоть
и оживающую душу
за эти царственные сны
нез*а*долго до пробужденья
за благолепье седины
в пятидесятый день рожденья
за снисхождение Твое
за неизбежное Свиданье
благодарю за бытие
благодарю за увяданье

Но вернёмся к нашему пост-карантинному блогу. Вот непростое сочетание имени, фамилии и местонахождения одного из участников: как мне показалось вначале, он – самородок из Норильска, этот **Sergey Garcia**. Появившись на нашем скорбно-философском сайте, он в

первых публикациях зазвучал как-то экзотически экстравагантно. Как-то даже резво и дерзко, напоминая раннего Бальмонта, отчего мне тут же хотелось его спародировать:

> весь я в чём-то испанском, весь я в чём-то норильском...

Но я был неправ, он не Бальмонт и не Северянин. Просто он впал в любовный амок по поводу несостоявшегося (из-за ковида?) свиданья:

> Лето норильское – прошелестело,
> В середине июня дожди.
> В «Заполярнике»-сквере на бетонной дорожке
> Подожди меня, подожди.
> Мокрый призрак в моем ноутбуке
> Я нашел тебя прошлой зимой.
> Вот страница твоя в Фейсбуке
> Вся покрытая прошлой листвою.
> Не успел я, как все, оглядеться, –
> И вот сердце. Оно снова болит.
> Не живём мы с тобой по соседству
> Оттого мой «мотор» барахлит.
> Я все думал – узнаю, успею.
> Все успею, и – ладно, дождусь.
> Оказалось, что нет, не сумею
> Или запросто не продержусь.
> И скажу я, невидимо плача:
> «Все могло быть иначе, иначе" ...
> …Но и ты не в Москве, а в Париже
> Иль в деревне? Закрыты все двери ...
> Вот лето в Норильске. И тучи всё ниже
> Над бетонной дорожкой в сквере.

Тема старинна, как мир: «томлюсь по тебе в разлуке», но выручают современные реалии. Коронавирус, впрочем, здесь не упоминается, а вот ноутбук и Фейсбук слишком уж легко рифмуются, как левый ботинок с правым. Но спасает экзотический Норильск в сочетании с необычным псевдонимом. А если это и впрямь настоящая фамилия? Такое стало бы красочным явлением для тех широт.

Вдруг появился в коронавирусной группе **Женя Чистый** и внёс в свои публикации забавный грубоватый стёб, симпатичное выкаблучивание, смешное коверкание языка... Да, он любит словесно подурачиться («теки, текила»), но в стихах о вирусе остаётся почти серьёзен.

> Хай-тек, барокко и ампир…
> Но цирк всегда один – бродячий.

Когда болезнь качнула мир,
он стал одышливым, сидячим.
И маска справилась с лицом,
и каждый знал свой список окон,
лишь тень беспутным двойником
могла пройти сквозь поры стёкол.
Струись, Летейская вода,
теки, текила, шерри-бренди,
от буйства тени до стыда
за общий дух, что разом сбрендил.
Ветошный воздух или круг
в пространстве вечных геометрий…
Но, может, новый Флеминг вдруг
напишет бога в чашке Петри.
И незачем тогда кричать
в своём раю седому Мунку,
и ангел – главную печать
положит в старенькую сумку.

В стихотворном умении и чувстве слова ему не откажешь, и даже рифма «окон – стёкол» оказывается не так уж и приблизительна, ибо она – смысловая. А в политической сатире, которая тоже привязана к теме вируса, каждое слово стоит на своём месте.

Надысь весь мир узрел воочью:
грядёт монарх с привитой дочью
промеж берёз, платанов, ив,
и Жучку с внучкою привив.
Привив и повара,
и бонну
и печника,
и мать евонну,
явив полезность в том и прыть.
И вдаль глядит: кого б привить?..

Но не сарказмом определяется атмосфера на пост-карантинном сайте, а вполне философской, и при этом прочувствованной лирикой. Здесь делаются слышны издалека доносящиеся ахматовские строчки: «И вот уж о невозвратимом / скрипач безносый заиграл».

Именно они отзываются в прозрачных и как бы сквозь слёзы произнесённых жалобах **Наталии Кравченко**:

В дождик я стишок тебе кропала.
Дождик тоже что-то накропал.
Что писать, когда – пиши пропало.
Но пишу, как пан или пропал.
Я пишу стихи тебе без счёта,

но одним кончается любой.
Очень трудно говорить о чём-то,
что не ты, что не было с тобой.
Говорят, кто ищет тот обрящет.
Я ищу, но где ты можешь быть?!
Лишь с тобой я стала настоящей.
Лишь с тобой я научилась быть.
Были рядом в радости и в горе,
а теперь не вместе, а одне...
Ты моё теперь мементо мори.
Но и ты там помни обо мне.

Слёзы высыхают, но она остаётся по-вдовьи верна своей памяти, подчиняя готовый взбунтоваться быт строгому распорядку.

Солнце на улицу выйти зовёт,
манит к себе пятернёю.
Я же своими табу напролёт
окружена как бронёю.
Новое платье в шкафу заждалось,
с плечиков спрыгнуть готово,
пряча за шёлком спортивную злость,
жаждет сразить молодого.
Ждут босоножки носочками в дверь -
ну же, когда же мы выйдем,
из-за таких вот домашних тетерь
сколько всего не увидим!
Я же склоняюсь над гладью листа
с видом премудрого змия.
Тихо, молчать, разошлись по местам!
Сказано вам – пандемия!

Буквально впорхнула в наш суровый блог лирическая фея **Зоя Бочинская**, которую, казалось, оборонял от бед ветер вдохновения, ореол удачи. Мне впервые попалось это имя, хотя вскоре я узнал, что она не начинающий автор, подающий надежды, как мне показалось вначале, а уже известная поэтесса, выпустившая несколько книг стихов, и даже лауреат премии «Наследие». Но мне тогда просто понравились её стихи! В них сочетаются благозвучие и образность, высказанные с той особой интонацией, которая невозможна ни у какого поэта, кроме женщины. Что же касается нашей мрачной темы, то поэтесса о ней предпочитает не думать, «пока не сказано иначе»...

...пока не сказано иначе,
я думала – судьбой любима,
одна из первых на раздаче,

а беды – так, автограф дыма,
что есть свисток, но есть свирели,
и, если вынесло прибоем,
то, значит, ты достоин цели
и небо – в сговоре с волною
...и было всё тогда иначе:
от ветра заслоняли дюны
в нестойком абрисе удачи,
мир хвойным был,
янтарным,
юным,
гудел орган, свирели пели,
шло море в росчерках прибоя,
и был туннель, и свет в туннеле,
и всё – мерещилось судьбою
...пока не сказано иначе,
я думала, ладони грея
о грань огня, что мир удачлив,
что он –
корабль под стягом Грея
...пока не сказано иначе...

И действительно. **Фёдором Ивановичем Тютчевым** уже сказано и об этом дыме, и о зыбкой иллюзорности существованья, но сказано иначе. Зато – на века!

Как дымный столп светлеет в вышине! –
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

Совсем недавно присоединилась к нашей поэтической «пирушке во время коронавируса» **Галина Ицкович**, прислав стихи, которые, на первый взгляд, вряд ли относятся к теме. Но в них есть драма, хотя и не своя, а чужая, до которой мало дела природе, занятой своим, да и, признаться, нет интереса у посторонних. Но есть тут тревожная вибрация, которая задевает. Это всё ещё русские стихи, однако так исподволь, намёком, недосказанностью пишут теперь англоязычные поэты. В малом они подразумевают огромное, которое шумит где-то поодаль, как Атлантика в стихотворении «Мэйн-стрит»:

I

В прошлом году, бывало,
Дотронешься до побережья

На атласе в старой лавке –
Бухты пристанут к пальцам.
Но букинист разорился
Или умер весною.
Волны клокочут, о камни
Названий в пыль разбиваясь.

II

Кованые ограды,
Вдовы на каждом балконе,
От океана взгляды
Не отрывая, стонут.
Жаль, букинист закрылся,
Но повезло с погодой.
Что карантин Атлантике –
Не такое смывала походу.

Эта прохладная лирика лишь касанием задевает тему таинственной угрозы, рассеянной по всему миру. И вправду, люди, побунтовав для начала, в основном к ней привыкли, как например, привыкают к болезням и смертям профессиональные медики. Пандемия стала частью экзистенциальной угрозы, извечно существующей в мире четырёх измерений, если первые три обозначают пространство, а четвёртое – время. Но живая душа бьётся, как рыба в стихотворении **Ольги Крайтерман**, чувствуя себя в уловлении вечностью.

От поплавка в чёрной воде кру́гом волна.
Вечер лилов, тих и ленив, с неба до дна.
Исподтишка, жизнь всё равно скоро уйдёт
за поворот, где черемша, льнянка растёт.
Дверь отворив,
выход душа
в вечность найдёт –
в ночь без зари
путь свой верша
в звёздный приход,
в синь, в тишину,
птицей вспорхнув
с горних высот,
целясь в Луну,
леску – струну – цепь
разорвёт.
Не для неё медью литой
бьётся отбой.
Не для неё звон над Землёй
колокол льёт.

Не для неё,
Не для неё,
Не для неё…
То бытиё –
было её,
станет ничьё…

Какие волшебные стихи, оказывается, пишут эти так называемые сетевые поэты и поэтессы! Порой не хуже, чем признанные и мастеровитые, которые тоже заходили на наш сайт «Стихи во время карантина». Но цитировать поэтических тяжеловесов я здесь не стал – их ведь и так охотно печатают в журналах, их любят издатели.

А вирусу – конца не видно! Впрочем, как и поэзии…